Г. К. ЩЕННИКОВ

ЦЕЛОСТНОСТЬ ДОСТОЕВСКОГО

БИБЛИОТЕКА
КАНУНОВОЙ ФАИНЫ ЗИНОВЬЕВНЫ

Министерство образования Российской Федерации
Уральский государственный университет
им. А. М. Горького

Г. К. ЩЕННИКОВ

ЦЕЛОСТНОСТЬ ДОСТОЕВСКОГО

1-980590

Дорогой
Фаине Зиновьевне
Кануновой
с любовью!
Щенников
12.01.04

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДЛЯ КНИГ
ТГУ

ЕКАТЕРИНБУРГ
ИЗДАТЕЛЬСТВО УРАЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2001

УДК 821.161.1
ББК Ш5(2=р)5-4 Достоевский 45
Щ532

Щенников Г. К.
Щ532 Целостность Достоевского.– Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001.– 440 с.
ISBN 5-7525-0986-6

Автор попытался увидеть сложный мир Достоевского целостным и непротиворечивым – в единстве характерологии, жанровой структуры романа и интертекстуального поля; определить доминанту его метафизического реализма, делающую трагическое – выражением надежды. Полемические страницы книги рассчитаны не на одних специалистов – на всех думающих читателей.

Щ $\frac{4603020101-226}{182(02)-01}$

УДК 821.161.1
ББК Ш5(2=р)5-4 Достоевский 45

ISBN 5-7525-0986-6

© Г. К. Щенников, 2001
© Издательство Уральского университета, 2001

Предисловие

Помню первые лекции о Достоевском на филфаке Уральского университета в 1953 году. Преподаватель то и дело говорил о «кричащих противоречиях» писателя. А чтение самих произведений Достоевского оставляло впечатление мощной, слаженной, но не во всем понятой симфонии. Было очевидно, что обличающие его за «слабость» слушают эту музыку с большой дистанции и стоя боком к творцу.

Историческая «оттепель» рубежа 1950–60-х годов повернула наше общество лицом к Достоевскому – новое восприятие его сказалось не только в фундаментальных научных трудах: сборнике ИМЛИ 1959 г., работах Г. М. Фридлендера, В. Я. Кирпотина, А. В. Белкина и др., и, разумеется, в новом издании книги М. М. Бахтина, но и в том, как сыграли роль князя Мышкина Юрий Яковлев в известном фильме И. Пырьева и Иннокентий Смоктуновский на сцене Ленинградского БДТ. И возникший тогда стимул к переосмыслению «реакционного» Достоевского работал уже безостановочно, несмотря на все исторические зигзаги на протяжении всего XX века.

Именно в те годы, в конце 50-х – начале 60-х годов, в пору моей аспирантской молодости проявилось желание понять, осмыслить целостность его художественного мира. Возникло понимание того, что противоречия Достоевского не плод его «заблуждений», не знак мировоззренческой и эстетической «путаницы», а особый склад художественного сознания, наиболее чутко реагирующего на трагические изломы человеческой истории и самого существования человека.

По-видимому, это была общая ориентация всего набиравшего силу достоевсковедения. Но меня сразу привлекла задача систематизации сложнейшей художественной модели его мироздания: «пробы» классификации его характеров, исследование эволюции повторяющихся типов, жанровая структура романа, наконец составные его универсального и синтетического реализма. Ряд трудов по этим проблемам, включенные в мои книги «Художественное мышление Ф. М. Достоевского», Свердловск, 1978 и «Достоевский и русский реализм», Свердловск, 1987, на мой взгляд, сохранили научную ценность и в обновленном виде включены в данное издание. Думаю, что

они непротиворечиво соседствуют с работами, сделанными в последнее десятилетие.

Вопрос о противоречиях Достоевского не был снят за всю полувековую историю нового изучения писателя и уже по-другому, но с не меньшей остротой поставлен в наши дни. Долгое время ученые бились над проблемой, совместим ли реализм писателя с его мистической интуицией, устремлением к «мирам иным». В наши дни уже никого из отечественных исследователей не коробит определение типа художественного сознания Достоевского как «метафизического реализма» (говоря иначе – «мистический реализм»). Но такое понимание произошло не только в результате большей добросовестности специалистов, но и в силу нашего внутреннего приближения к Достоевскому, в силу сдвигов, происшедших в нашем сознании, особенно интенсивно с середины 1880-х годов. Чтобы признать, что «метафизический реализм» правомерен, надо было вернуться к мысли, отброшенной прежде как «химера» – к тому, что «мир иной» существует, хотя бы как глубочайшая потребность нашей человеческой природы. Чем ближе мы подходим к Достоевскому, тем глубже открываются нам противоречия его мысли не только как структура уникальной творческой личности, но как противоречия человеческого сознания, жаждущего и не способного обрести полной истины, и человеческого сердца, страдающего от неполноты веры.

Сегодня Достоевский-метафизик словно бы вытеснил из нашей памяти Достоевского-историка русской жизни и «предчувствователя» ее будущего. Но примечательно, что само осмысливание метафизических проблем в поле Достоевского определяется *современным* переживанием экзистенции человека. Вот как говорит об этом редактор новейшего сборника о романе «Идиот»: «Полагаю, что вспыхнувший интерес к роману не случаен, так как сейчас остро актуален вопрос о том, может ли самый «положительно прекрасный» человек устроить «рай на земле», если он только лишь «положительно прекрасный» *человек?* Может ли человек своими силами вытащить себя из болота и провала, в котором очутился в результате грехопадения, или своими попытками способен лишь сделать положенье окончательно безнадежным?» [1] (курсив автора – *Г. Щ.*). В том же сборнике в статье К. А. Степаняна есть прямой, недвусмысленный ответ на этот вопрос: «Победителем и Спасителем мира может быть только Богочеловек» [2]. Примечательно, что 9 лет назад К. Степанян,

соглашаясь с мыслью, что «Достоевский означает надежду», уточнял ее следующим образом: «...Достоевский не просто учил жить и выживать, ... но и – действиями, направленными «из» конкретной человеческой личности, как эпицентра – преодолевать катастрофу в мире»[3]. Тогда, стало быть, надежда возлагалась на самого человека, теперь – единственно на Бога, на второе пришествие Спасителя.

Что же, за прошедшее десятилетие убеждения могли измениться. За это десятилетие переменилось отношение к религии и церкви: нынче люди не стыдятся признаться верующими, более того, иногда нарочито демонстрируют свою набожность и оценку литературы «духовным взглядом». Да и церковь все больше становится авторитетной опорой государства. А между тем наше общество как никогда далеко от христианской (и другой религиозной) морали, о чем свидетельствует культ денег, привычка к насилию, демонстрируемому ежедневно в самых изощренных формах с экранов телевидения, почти легальная проституция и все растущая эпидемия наркомании, а главное, отсутствие в нации объединяющей нравственной идеи, что, по мнению Достоевского, является главным признаком социальной деструкции. Мы, пережившие сильнейшее духовное потрясение – сознание, что целая историческая полоса, равная по продолжительности человеческой жизни – 70 лет! – была обманом и иллюзией,– вот уже целое десятилетие твердим о необходимости нравственного возрождения нации, а оно все не совершается. Не мудрено, что многие из оптимистических прогнозов властителей дум XIX века все больше представляются нам розовыми утопиями. Мы все больше открываем глубинные духовные пласты в нашей литературной классике, особенно ее религиозные основы. Вместе с тем мы все требовательнее относимся к культурному наследию, доставшемуся нам теперь уже от позапрошлого века. Сегодня уже и Достоевский подвергается упрекам как не вполне последовательный христианин и церковный человек.

У молодых литературоведов возникает соблазн актуализировать прочтение классики в духе последовательной христианской ортодоксии или, наоборот, современного скептицизма. Это естественное следствие совершающейся смены убеждений.

И все-таки, вопреки постструктуралистскому положению, будто автор умирает в читателе или радикально меняется соответствен-

но нашим переменам, Достоевский остался тем же, каким был десять лет назад или 130-140 лет назад, в пору своей творческой зрелости. И очень важно прочесть завещанное им согласно его подлинной воле.

Весь сорокалетний опыт наших исследований по системно-структурному анализу его сочинений убеждает нас в том, что писатель не только верил в созидательные силы человека, в его способности к братству и гармонии, но что именно эта вера была главным мировоззренческим и формообразущим стержнем его творчества, подлинным эпицентром его художественного мира.

Достоевский-публицист прикровенно и откровенно выражал веру в способность России сберечь свою национальную святыню – православие, доказывал, что «будущее России немыслимо без православия»[4].

Достоевский-художник в черновиках своих сочинений (особенно к роману «Бесы») искренне сомневался в способностях России избежать эпидемии безбожия, полагая, что независимость ее от «духа Запада» (т. е. атеизм) – лишь вопрос времени[5]. И вместе с тем в тех же черновиках высказывал уверенность в нравственном преображении человечества, если оно последует примеру Христа: «Из Христа выходит та мысль, что главное приобретение и цель человечества есть результат добытой нравственности. Вообразите, что все Христы – ну возможны ли были бы теперешние шатания, недоумения, пауперизм?» (11, 192-193).

Его мировоззренческая и художественная система была христоцентрической и человекоцентрической одновременно.

По справедливому суждению В. Котельникова, подвижнические усилия писателя – направить человека к любви христианской – «борьба, сколько за Христа, столько и за человека, сколько христодицея, столько и антроподицея»[6].

Христианский гуманизм Достоевского и определил целостность его художественного мира. Именно на вере в человека, способного следовать заветам Христа, основана его мысль о скрепляющей роли нравственных идей в движении человечества к миру и братству. А ведущая роль нравственных идей и позиций явилась структурообразующим началом его характерологии и романной архитектоники. Достоевский «выводит» нравственные начала личности не только из обращения ее к Христу, но и из самой природы человека, из его неодолимых натуральных и вместе

с тем духовных потребностей, а также из национальных и культурных традиций, из структуры сознания, сложившейся в течение всей национальной истории. Его подвижники имеют глубинные связи с русскими праведниками и страстотерпцами – героями древней и современной писателю жизни. Имена их постоянно мелькают в его черновиках и письмах. Достоевский формировался как писатель и человек в эпоху 1840-х годов, выдвинувшую целую плеяду «отшельников мысли, схимников науки, фанатиков убеждений, у которых седеют волосы, а стремления остаются вечно юны»[7]. Он встречал немало соотечественников, готовых к жертвам и мучениям ради веры и истины, взыскующих ради них нравственной Голгофы. В поисках гармонии, национальной и мировой, он шел рука об руку с другими русскими писателями. Христоподобный человек – идеальная точка его характерологии – имеет глубокую почву в традициях русского универсального реализма XIX века, который в течение более, чем полувека исследовал на отечественной почве антитезу романтика-энтузиаста и скептика-рефлектера.

Называя нашу книгу «Целостность Достоевского», мы формулируем не решенную нами задачу, а необходимое, на наш взгляд, направление усилий современных исследователей писателя.

Мы полагаем, что путь к пониманию целостности Достоевского может стать одним из множества слагаемых, способных создать духовные предпосылки к обретению целостности нашей национальной жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения. Сборник работ соотечественников и зарубежных ученых / Под редакцией Т. А. Касаткиной. М., 2000. С. 3.
2. Там же. С. 142.
3. Степанян Карен «Достоевский означает надежду» / Урал. 1992. № 8. С. 153.
4. Захаров В. Н. «Парадокс на парадоксе». Достоевский о будущем России. / Север. 2001. № 1-2. С. 138.
5. См.: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30-ти т. Т. 11. Л., 1974. С. 178-179. В дальнейшем ссылки на сочинения Ф. М. Достоевского даны по этому изданию в тексте, в скобках.
6. Котельников В. Христодицея Достоевского // Достоевский и мировая культура. СПб., 1998. Альманах № 11. С. 26.
7. Герцен А. И. Собр. соч.: В 30-ти т. М., 1956. Т. 9. С. 45.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

I. Метафизика и архитектоника 9

К проблеме метафизического поля в мире Ф. М. Достоевского 10
Метафизика романа «Идиот» 23
Диалог частей как жанровый принцип 65
Универсализм характеров и типология сознаний 89

II. «Братья Карамазовы»: национальное сознание в контексте европейской литературы 145

Предисловие 146

Глава I. Стихии русского духа – потенции человеческой натуры . . . 151
§ 1. «Карамазовщина» как явление национальной психологии 151
§ 2. Страсти русского человека 169
§ 3. Внутренняя тяжба между братьями (братья Мооры – братья Карамазовы) 194

Глава II. Русский Фауст: преодоление или преображение человека? 206
§ 1. Иван Карамазов и Владимир Соловьев 206
§ 2. Два отчаяния: Гамлет и Иван Карамазов 229
§ 3. Иван Карамазов – русский Фауст 252

Глава III. Праведничество – путь к гармонии 280
§ 1. Алексей Карамазов как тип нового подвижника 280
§ 2. Религиозное подвижничество в романах Гюго и Достоевского: две культурно-исторические модели 304
Заключение. Суд над Россией в романе «Братья Карамазовы» . . . 321

III. Текст и интертекст 343

Ф. Достоевский и Л. Толстой: сходство эстетических ориентаций 344
«Журнал Печорина» и «Исповедь» Ставрогина: анализ деструкции личности 375
Ф. М. Достоевский и Н. С. Лесков: к истокам и созвучиям романа «Бесы» 390
Горький и Достоевский: сближение антагонистов 402

439